

Афганский вопрос в свете геополитических интересов Узбекистана

Гульнара Каримова

Решение президента США Барака Обамы направить дополнительный 30-тысячный контингент американских войск в Афганистан наглядно подтверждает тот факт, что афганская дилемма выходит на первый план в мировой политике.

Ее глобальный статус обусловлен не только тем, что Афганистан из-за возрождающейся активности движения «Талибан» и «Аль-Каиды» вновь становится зоной повышенного дестабилизирующего потенциала, но и тем, что афганский конфликт напрямую затрагивает жизненно важные интересы практически всех ведущих глобальных центров силы.

Это, в свою очередь, создает достаточно уникальную ситуацию, когда зачастую разнонаправленные интересы ведущих глобальных и региональных факторов начинают сходиться в одной общей точке – в необходимости принятия совместных мер для скорейшего блокирования нежелательного развития событий в Афганистане и выработке новых мер стабилизации и возрождения этой страны.

Мнение о необходимости скорейшей консолидации международных усилий вокруг Афганистана полностью разделяется странами региона Центральной Азии, включая Узбекистан, который имеет довольно протяженную южную границу и играет важную роль в поддержании стабильности и экономическом развитии северных афганских

провинций. Для Узбекистана важно с точки зрения региональной и глобальной безопасности видеть сотрудничество, а не конкуренцию ведущих мировых сил в Афганистане и Центральной Азии.

В узбекских аналитических кругах считают, что для решения афганской проблемы и аннигиляции влияния дестабилизирующих процессов, расходя-

КАРИМОВА Гульнара – доктор политических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол Узбекистана в Испании, постоянный представитель Республики Узбекистан при Отделении ООН и других международных организациях в г. Женева, директор Центра политических исследований (Ташкент). *E-mail:* elrus@yandex.ru

Ключевые слова: Афганистан, Узбекистан, ООН, Центральная Азия, контактная группа «6 + 3», геополитика.

щихся от нее волнами по всему миру, целесообразно всем заинтересованным сторонам подойти к ней, в первую очередь, с рациональной прагматической позиции.

В экспертном сообществе уже стало своего рода аксиомой утверждение о том, что Афганистан и Центральная Азия представляют собой пространство соперничества между США в связке с НАТО, Россией и Китаем, а также игроками регионального уровня – Ираном, Пакистаном, Индией. Сложно отрицать, что каждый из них имеет свой собственный спектр интересов. Однако параллельно с этой точкой зрения все больше укрепляются позиции тех, кто считает, что геополитическое соперничество в его классическом представлении как «Большая игра» в современных условиях является контрпродуктивным, так как его итогом может стать проигрыш всех вовлеченных сторон.

С точки зрения евразийской геополитики в ее классическом представлении о *Hartland*, складывающаяся вокруг Афганистана ситуация представляется весьма уникальной. Если традиционный взгляд предусматривает соперничество как минимум двух ключевых вовлеченных государств за контроль над *Hartland*, то в настоящее время все ключевые игроки столкнулись с силой, которая одновременно противостоит всем и в то же время не имеет четко выраженной локальной структуры. Этой силой является своего рода «сетевой организм», в составе многочисленных террористических и религиозных групп и движений, объединяющихся вокруг «Аль-Каиды», «Талибан», «Хизб ум-Тахрир аль-Ислами», «Исламского движения Туркестана» и многих других группировок.

В случае если этой сетевой структуре удастся установить контроль над

Афганистаном, то с высокой долей вероятности можно прогнозировать нарастание попыток распространения ее влияния на сопредельные регионы как минимум. Под угрозу будет поставлена безопасность и стабильность многих стран.

Узбекистан уже сталкивался с подобным развитием событий, когда установление талибами контроля над северными регионами Афганистана вылилось во вторжения исламистов в 1999–2000 гг.

Вполне реально возвращение исламистов будет угрожать Китаю, у которого есть проблемы в западных, населенных мусульманами, территориях. Вполне прогнозируемо повышение активности исламистов в северокавказских провинциях России, поскольку они получают значительную зарубежную подпитку в живой силе, материальной и военно-технической помощи.

С прямой угрозой своей стабильности столкнется Пакистан, где целые районы, такие как Южный Вазиристан, превратились в зоны базирования крупных группировок «Техрик-е Талибан-е Пакистан», а также Индия с ее проблемным Кашмиром.

Не избежит проблем и Иран, который традиционно имеет сложные отношения с талибами, которые убили в 1999 г. несколько иранских дипломатов в Мазар-и-Шарифе, что поставило тогда регион перед угрозой полномасштабного конфликта между Тегераном и движением «Талибан».

Что же касается США и Европы, то для них вновь станут вполне реальными перспективы столкновения с актами терроризма против мирного населения и гражданской инфраструктуры. Причем если сегодня Запад располагает возможностями для сдерживания террористических группировок благодаря нахождению в Афганистане миро-

творческих сил НАТО, то уход из этой страны ограничит его потенциал по предотвращению превращения афганской территории в центр планирования и реализации террористических операций. Сюда нужно добавить и высокую вероятность дальнейшего нарастания наркотического вала, который уже накрыл собою многие регионы мира.

Исходя из соображений прагматического характера, уже только возможность возникновения подобных угроз должна подтолкнуть все заинтересованные стороны к полномасштабному сотрудничеству. И в принципе мы в последнее время видим позитивное движение в данном направлении, подтверждением чему является довольно быстрое достижение соглашения об открытии Северного маршрута поставок невоенных грузов для группировки НАТО в Афганистане.

Это стратегически важное соглашение, которое, с одной стороны, дает возможность НАТО диверсифицировать свои каналы поставок грузов и снизить зависимость от пакистанского маршрута, а с другой – оно служит платформой для наращивания реального сотрудничества между странами НАТО, Россией, государствами Центральной Азии, и в первую очередь Узбекистаном.

Между тем соглашение о транзите грузов может в идеале стать отправной точкой также для начала процесса более тесного обсуждения всеми заинтересованными сторонами перспектив решения афганской проблемы и возрождения страны.

На своевременность налаживания подобного диалога указывает Генри Киссинджер в своей статье «Афганистан: больше солдат и больше дипломатии»¹. Однако при этом американский

эксперт все же несколько пессимистично оценивает стремление региональных стран пойти на этот диалог. По его словам, «у каждой из перечисленных держав (КНР, России, Ирана, Индии, Пакистана) есть значительные возможности для защиты своих интересов. И тем не менее все они пока в той или иной степени предпочитают занимать в отношении афганского конфликта позицию стороннего наблюдателя».

В чем же причина подобной пассивности? Судя по мыслям, отраженным в статье, сдерживающее влияние, безусловно, оказывает логика «Большой игры». Киссинджер в принципе признает ее наличие, указывая, что в отношениях стран вокруг Афганистана существует «проблема близорукго соблазна получить выгоду за счет неудач соперника».

Однако ситуация в целом все же не так безнадежна. Позитивный опыт диалога по афганской проблеме у стран региона и ведущих мировых игроков имеется, о чем говорит успешная деятельность контактной группы «6+2» по Афганистану в 1999 г., инициатором которой выступил Узбекистан. В группу под эгидой ООН в свое время вошли приграничные с Афганистаном государства: Узбекистан, Туркменистан, Пакистан, Иран, Таджикистан, а также Россия и США.

Сегодня Узбекистан предлагает вновь под эгидой ООН возродить данный формат и включить в него НАТО. Таким образом, группа будет выглядеть как «6+3». Идея создания контактной группы была озвучена президентом Узбекистана И. Каримовым на саммите НАТО в Бухаресте (2008 г.).

Вокруг идеи ведутся оживленные дискуссии, и она уже успела получить своих сторонников.

Так, директор Института по изучению Центральной Азии и Кавказа при Университете Джона Хопкинса профессор Фредерик Стар во время своего визита в Ташкент (ноябрь 2009 г.) отметил, что «контактная группа „6+3“ является наиболее эффективным механизмом организации процесса восстановления Афганистана и мирного политического диалога между всеми внутриафганскими противоборствующими сторонами»².

Конечно, у идеи есть также оппоненты, но реальность такова, что диспуты могут вестись вечно, в то время как шансы на решение афганской дилеммы безнадежно упускаются. Дело в том, что над всеми заинтересованными сторонами современной афганской драмы, как дамоклов меч, зависла проблема 2011 г. Именно с этого года должен начаться отсчет времени вывода американских войск из Афганистана, как об этом заявил Барак Обама, и именно входя в этот полуторагодовой промежуток, мы оказываемся в ситуации тотальной неопределенности, ситуации сплошных «если...».

«Если вдруг за заявленный промежуток времени НАТО не удастся разгромить „Талибан“, то как будет дальше развиваться ситуация в Афганистане и регионе, будет ли вывод войск?»

«Если правительство Карзая и афганская армия не смогут взять на себя ответственность за контроль над страной, то будут ли страны НАТО пересматривать формат своего участия в афганской миссии и взаимоотношений с нынешними властями в Кабуле?»

«Если за полтора года не удастся начать экономические реформы, то куда повернутся симпатии афганского населения?»

И подобных вопросов множество.

Чтобы прояснить ситуацию неопределенности, как раз и нужно как можно скорее создать механизм налаживания многостороннего диалога,

в рамках которого можно было бы начать движение к достижению как минимум трех масштабных взаимосвязанных целей.

Первой целью, как видится, должно стать создание атмосферы доверия между всеми действующими лицами евразийской геополитики, имеющими отношение к Афганистану.

Как уже говорилось, принципиально интересы всех сторон в недопущении расширения влияния террористических группировок совпадают, поскольку в противном случае каждая из них может понести определенные потери, связанные с обеспечением национальной безопасности. Не хватает только одного единственного шага в сторону достижения консенсуса, но, как показывает практика, его можно достичь только посредством открытого многостороннего диалога.

Вторую цель прекрасно сформулировал все тот же Генри Киссинджер, согласно которому «целью должно быть превращение Афганистана – за счет усилий международного сообщества – в зону, свободную от террористов, подобно тому, как в период преобладания Европы в мировой политике нейтралитет некоторых стран обеспечивался международными договорами».

По сути, это ключевая задача по урегулированию афганской проблемы на региональном уровне, но ее достижение станет возможным только после достижения первой цели – создания атмосферы полного доверия между всеми акторами.

Если Афганистан не превратится в зону, свободную от террористов, а сделать это без полной координации усилий всех приграничных государств по блокированию границ и каналов переправки боевиков, оружия, наркотиков и прекурсоров фактиче-

ски невозможно, то даже отправка в эту страну еще 100 тыс. солдат проблемы не решит, поскольку не будет решена проблема недопущения восстановления боевиками своей ресурсной базы.

В этой связи хотелось бы немного остановиться на набирающем популярность в аналитических кругах мнении, что лучше на 100% контролировать 50 или 75% афганской территории, чем контролировать на 50–75% всю страну. Насколько это приемлемо в условиях Афганистана?

Даже если предположить, что установлен полный контроль над 75% территории, то это все равно будет простым откладыванием на будущее окончательного решения проблемы. Контроль террористическими группировками 25% территории будет означать, что они в любом случае получат плацдарм для наращивания потенциала и подготовки новых боевиков, а в условиях военного противостояния можно с большой степенью уверенности прогнозировать, что установившийся баланс сил будет довольно хрупким.

Не следует забывать, что в Афганистане имеет место не классическое противостояние двух армейских группировок, а противостояние регулярной армии с «сетевой структурой» и линия фронта зачастую проходит в этой войне условно. Поэтому подходить к проблеме полного контроля какого-то процента территории нужно весьма осторожно.

Третьей масштабной целью многостороннего диалога может стать разработка концептуального видения реформирования системы управления и экономическое возрождение Афганистана.

Сегодня очевидно, что без международной помощи Кабул не способен

решить наиболее насущные проблемы развития страны. До сих пор международное сообщество шло преимущественно путем значительных финансовых вливаний в афганскую экономику, армию и государственный аппарат. Однако эффективность подобной стратегии была не так высока, как хотелось бы, во многом из-за коррупции и отсутствия продуманной программы развития.

Между тем более целесообразным представляется создание для Афганистана таких условий, при которых он смог бы иметь собственные источники получения доходов, способные стать существенной альтернативой международной помощи, а сделать это возможно лишь через поэтапную интеграцию Афганистана в экономические и транспортные структуры региона.

Узбекистан в своем сотрудничестве с Афганистаном идет именно таким путем, о чем наглядно говорит проект строительства железной дороги, которая должна соединить узбекский приграничный город Термез с крупнейшим экономическим центром Северного Афганистана Мазар-и-Шарифом.

Тендер на строительство дороги выиграла Государственно-акционерная железнодорожная компания «Узбекистон темир йуллари». Проект реализуется за счет гранта Азиатского банка развития в объеме 165 млн долл. и собственных средств правительства Афганистана в размере 5 млн долл.

Эта дорога даст возможность афганскому бизнесу получить кратчайший доступ не только на узбекский рынок, но и на рынки стран Центральной Азии, России и Китая, что само по себе уже станет стимулом для активизации афганцами производства товаров, ориентированных на экспорт.

В принципе афганская проблема сегодня дошла до такого предела, когда альтернативы скорейшему налаживанию открытого многостороннего диалога уже фактически нет.

Приоритетная ставка на военную компоненту в политике НАТО внутри Афганистана показала свою эффективность на начальном этапе, но в последние годы она пробуксовывает, наглядным свидетельством чему является возрождение «Талибан».

Международным сообществом были вложены значительные финансовые средства в Афганистан, но это кардинальным образом ситуацию не изменило. Афганистан по-прежнему остается бедным государством и оценивается инвесторами как зона повышенного риска.

Пока Афганистан остается бедным, у талибов всегда будет людской ресурс для пополнения своих рядов, и чем хуже будет экономическая ситуация, тем больше рекрутов они получат, что в свою очередь вызовет необходимость посылки НАТО новых контингентов для сдерживания насилия. Получается своего рода движение по замкнутому кругу, и разорвать его не удастся, если будет преобладать логика рассмотрения афганской проблемы как «вещи в себе», в то время как она таковой не является.

Афганская проблема по сути своей гораздо шире, и ее решение следует искать как внутри Афганистана, так и в проблемах региона в целом. К счастью, понимание этого все больше начинает присутствовать в международных экспертных и политических кругах, и это дает надежду на то, что в обозримом будущем многосторонний формат обсуждения, в том числе и тот, который предлагает Узбекистан, будет запущен.

Восемь лет назад благодаря доверительному многостороннему сотрудничеству удалось начать процесс стабилизации и экономического восстановления Афганистана. Почему бы вновь не попробовать запустить этот доказавший свою эффективность механизм, пока еще есть время?

Примечания

- ¹ *Киссинджер Г.* Афганистан: больше солдат и больше дипломатии // Newsweek. 2009. 6 октября.
- ² Эксперты США поддерживают инициативы Узбекистана по урегулированию в Афганистане // www.regnum.ru